

ОЛЕГОНТ КЛЕШКОВ.

К Р А С Н А Я П А У Т И Н А.

/Отвѣтъ Начальнику Всероссийской Академіи Генеральнаго Штаба, ординарному профессору, генеральнаго штаба генерал-майору А н д о г с к о м у/.

Представьте, что в вашу квартиру проникли разбойники; что они лишили вас возможности сопротивляться; испытывая вашу беспомощность злодѣи глумятся, оскорбляют и насилуют то, что для вас самое дорогое, что составляет цѣль вашей жизни, или самую жизнь... Вообразите состояніе вашей души, вашего чувства к насильникам... Многие из нас, за время пребыванія в большевистской Москвѣ, в Петроградѣ, Казани, Екатеринбургѣ и т. д. испытали насилія бандитов и хорошо помнят то чувство, непримѣримой ненависти и гадливости, которая влокотала в нашей душѣ к злодѣям, растлившим жизнь страны. Под вліяніем спокойной и свободной жизни в Сибири напряженность этой ненависти и гадливости, может быть, нѣсколько ослабѣла. Но вот статья: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917 - 18 г. г.", вновь сполохнула начинавшій было затихать огонь ненависти к проклятым насильникам. Огонь, который не горѣл в душѣ автора статьи, а наоборот он сам в нас его поддерживает. Я, до военной службы и во время ея привыкъ с уваженіем относиться к военным начальникам; - в нашем представленіи не профессионалов военных, понятіе об офицерѣ, а особенно о генералѣ или полковникѣ, как то тѣсно слилось с представленіем о доблести, мужествѣ и непоколебимой вѣрности долгу. Названная выше статья: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917-18 г. г." подписана полным званіем автора - "генеральнаго штаба генерал-майоръ Андогскій", слѣдательно и автор, и единомышленники его, которых он перечислил в статьѣ, - считают содержаніе ея всецѣло отъчужденным гребованіем, которое могут быть предъявлены к генерал-майору генеральнаго штаба и начальнику академіи.

И что же? В статьѣ: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917-18 г. г." не только не восхваляется доблесть или сознаніе долга, а напротив восхваля-

ется совершенно против воли ее. Автор не возмущается тем фактом, что часть генералов, штаб и обер-офицеров служила у большевиков; что около трехсот молодых здоровых офицеров задерживалось составом учреждения на той же службѣ, под предлогом "сохранения их до лучших дней", тогда как при других условиях, эти люди давно могли бы увеличить активную силу борцов за восстановление России. Не возмущается тем, что свѣѣ они-профессора и прочее - авторитетом своего знания, опыта и положения подделывали и так сказать санкционировали преступленія против страны и народа.

Напротив, статья предательство клятвопреступников пытается выдать за нѣкій подвиг.

Воистину иракѣбсіе! Когда Господь хочет покарать - он лишает разума, и потому то автор сился облить черное дѣло-государственное преступленіе, - опозорил и оплебал то званіе, которое он носит; гласно и публично показав, что он его недостойн и носить права не имѣет.

Всякій, имѣющій элементарную порядочность, знает какое различіе существует между генералами и офицерами, прислуживавшими Бронштейну-Троцкому и офицерами врагами Бронштейна и Ленина. Но это различіе, видимо, не вѣдомо автору или авторам статьи: "Академія Генеральнаго Штаба в 1917-18 г.г.", а потому я для них приведу параллель между двумя группами всеннослужащих: одна-борющаяся с большевиками; другая, прислуживавшая большевикам.

Первая - "выгнанная" со служби, разжалованная в солдаты, лишена была не только жалованія, но даже и гражданских прав; вторая - не только пользовалась всѣми пролетарско-батрацкими правами, но и получала красноармейское содержаніе довольно крупных ставок.

Первая жила под постоянной угрозой лишиться права даже на гражданскій четверть-фунтовой хлѣбный паек; вторая получала красноармейскій рацион в полном размѣрѣ.

Первая, скрываясь и прятаясь, ютилась, зачастую в углах и подвалах:

Другая жила комфортабельно и для нея реквизировались лучшие "бухкуй-ише" особняки в Москвѣ, в Казани, в Екатеринбургѣ и проч.

Первая не могла собираться в группу из трех-четырех человек без риска быть обнаруженной и разстрѣлянной; вторая нагло засѣдала в совѣдах, в комитетах, в театрах, в кинематографах, за табльдотами и проч.

Первая, если условия заставляли перемѣщаться из одного города в другой, бросала семьи и имущество на произвол судьбы и часть пути совершала, не имѣя возможности пользоваться желѣзной дорогой, пѣшком с мѣшком за плечами; вторая эвакуировалась в классных вагонах с чадами и домочадцами и с имуществом.

Первая, презирая совѣтскую власть, не имѣла легальных видов на жительство; ежечасно угрожаемая арестами и разстрѣлами, преслѣдуемая как дичь сумѣла уберечь, носить и кое гдѣ употреблять оружіе; вторая имѣя всѣ виды охранительных федеративно-батрацких грамот, оберегающих личную неприкосновенность, оказалась "совершенно безоружной".

Первая тайно организовывалась и, всячески, доблестно и честно боролась против Ленина, Эренштейна, Нахамжеса, Кина, Милха, Ладиса и проч.; другая явно раболовствовала и прислуживала этим прохвостам.

Первая, тайно и явно борясь с врагами до подхода освобождающих сил, оказывала всяческое им содѣйствіе, а в случаѣ их прибытія немедленно рывалась в ряды их едва не рядовыми бойцами, несмотря ни на что, ни на возраст; вторая - попадая в плѣн, когда красные подвергались разгрому, полагает, что она "прорвала фронт" и сразу, не присоединяясь к активным борцам, стремится по дальше в глубину для захвата безопасных мѣст.

Которая же группа руководствуется принципами доблести и чести, обязательными для военнослужащаго: борющаяся, но страдавшая; или унижающаяся, но наслаждавшаяся. Для меня, как не Начальника Академіи и не профессора, ясно - что первая группа действовала с полным сознанием

Долга, чести, любви к Родинѣ и ненависти к ея врагам; вторая группа дѣйствовала без малѣйшаго сознанія долга, без любви к Родинѣ и без ненависти к врагам ея, во имя сохраненія личных благ, потеряв элементарное понятіе о чести.

Эти двѣ группы - два совершенно противоположные міра: свѣт и тьма, добро и зло, онѣ друг друга никогда не поймут, как не понимает генеральнаго штаба генерал-маіор Андрогскій и его единомышленники, что для их званій и положеній совершенно недопустимо гласно подписываться под статью, такого содержанія, как помѣщенная в "Наша Заря" и других газетах. /Омск, январь 1919 г./

В самом дѣлѣ:

1. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора смѣшивать и в одно соединять Академію, как учрежденіе и лиц, обслуживающих это учрежденіе. Учрежденія могут быть почтенны, но персонал учрежденій - зачастую морально убог.

2. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора и совѣстимо ли с понятіем о воинской чести и достоинствѣ, добиваться разрѣшенія задач путем униженія не только личнаго, но и профессионально-военнаго, пред завѣдомыми губителями Родины, как наивно сознается автор, возвышая свое раболѣпство пред Бронштейном в подвиг.

3. Допустимо ли для Генеральнаго штаба генерал-маіора и профессора Академіи, удерживать при себѣ триста здоровых молодых людей, кадровых офицеров, вмѣсто того, чтобы преподав им систему тайной организациі, об'единить их огнем ненависти к большевикам и разослав их по различным участкам группами, увеличить число активных врагов совѣтской власти.

Впрочем, генерал-маіор говорит, что он "три сотни старых кадровых офицеров" сохронял "до лучших дней для борьбы за возрожденіе родины", т.е., очевидно, хотя бы в полном контактѣ с большевиками.

4. Допустимо ли для генеральнаго штаба генерал-маіора, имѣя все виды

охраняемых пролетарско-батрацких грамот, не озаботиться о том, чтобы 350 человек, состоящих под его начальством, не оказались "совершенно безоружными", когда многие из нас, враги большевиков, неоднократно подвергавшиеся обыскам и арестам, сумели сохранить оружие. Или военный профессор забыл старый афоризм ландскнехтов: "ты не уберег своего оружия, значить не уберег своей чести".

5. Допустимо ли для генерального штаба генерал-майора быть столь наивным и ожидать, что его "большие усилия и порои униженія" увѣнчаются успѣхом, когда он, будто бы убеждал "представителей совѣтской власти" эвакуировать состав Академіи с семьями и имуществом в лагерь врагов совѣтской власти "в Донскую и Кубанскую области", потом "путем эвакуации в Сибирь", и наконец "эвакуацию Академіи в Екатеринбург". Неужели нужно быть академиком и профессором, чтобы понять, что враг не старается увеличить число своих врагов, а старается уменьшить их. Поразительное терпѣніе выказал он, ожидая эвакуации с ноября мѣсяца 1917 года по июль 1918 года.

6. Допустимо ли для генерального штаба генерал-майора, военного профессора и Начальника Академіи считать плѣненіе свое и своих сотрудников при занятіи г. Казани чехо-добровольцами равносильным "прорыву с большевистской территоріи, на территорію возрождающейся Россіи". Если его питомцы сдачу врагу и плѣненіе будут почитать прорывом, то вѣдь они все, при первой опасности сдадутся в плѣн. Шутник "великій и маститый" Александр Иванович."

7. Допустимо ли для генерального штаба генерал-майора и проч. выдѣлывать себя в заслугу, что под видом эвакуации, в мечтах и в действительности кочуя по большевистской территоріи, получая от большевиков приказанія и жалованье, он в то же время посылал чинов Академіи "к генералу Алексѣеву, к генералу Лаверну, к первому встрѣчному штабу". Иначе говоря, на всякій случай, одновременно он заискивал перед врагами тѣх, которых

сам, ради денег и личной безопасности, обслуживал добровольно. Неужели это - заслуга. Тогда за что же история и народ в 1606-1610 г.г. заклеили тушенцев название "ворами".

Я знаю, что все люди с психикой, не поврежденной большевизмом, на вышеперечисленные положения, взятые из статьи: "Академия Генерального Штаба в 1917-18 г.г." скажут недопустимо.

Но не так смотрит генерального штаба генерал-майор Андогский и его единомышленники: они не поймут почему не допустимо. Для них это также допустимо, как вновь перебраться из нашей территории на территорию красных и последних уверять, что они вырвались из нашего плена, "прорвав фронт" и т.д.

Это типичнейшие представители той категории людей, о которой я уже писал, отвечая А.С. Ефлоруссову на его статьи: "Красное офицерство" и "Необходимое объяснение".

После этого необходимого вступления, перейду к скорпионам автора, направленным против фактов и положений, высказанных мною в моих воспоминаниях при занятии г. Казани.

Прежде всего сознаюсь, что нас, лиц, единых со мною в прямоте и честности взглядов, немного и потому мы находимся не в таких роскошных условиях, чтобы "отказаться от всякой полемики" с нашими врагами. Нам мало, а господ, противоположных нам по взглядам, за проклятый период революции, расплодилось много. Кроме того, когда мы думаем принести большую пользу странам, мы "не унижим наше достоинство" честного человека, когда ответом разоблачим ложь и откроем читателям глаза на истину.

Впрочем и автор, вначале самодовольно заявив, что "ни в какую полемику" вступать не будет и что настоящим изложением "пользуется, чтобы осветить картину жизни и деятельности Академии", посвятив, однако, "картинке и жизни" Академии, с длинными лирическими отступлениями,

Всего в журнале треть статьи, а две третьи ее посвящены исключительно полемикѣ, наветам и наускиваніям.

Итак, автор дважды повторил, что "нѣкоторая определенная /към?/ группа лиц" подняла /./ / поход против Академіи, стремясь, "свести свои мелкіе счеты".

Утверждаю, что ни к какой "определенной группѣ" не принадлежу; с Академіей никаких счетов и никакого отношенія к ней не имѣю. Писал воспоминанія о занятіи г. Казани, о событіях, в которых мнѣ лично приходилось принимать участіе. Не моя вина, что г. Андогскій оказался одним из объектов, против котораго мнѣ пришлось применить силу и потому припомнить его в моих воспоминаніях. В гостиницѣ "Волга" я его арестовал; если бы я тогда знал, что это - он то лицо, которое принимало участіе в заключеніи предательскаго "пахабнаго" брестскаго мира, я бы застрѣлил его там же, на мѣстѣ, не считаясь ни с какими записками капитана Степанова. Подтверждаю, что он, Андогскій и сопутствовавшая ему клика, трусливо под дулом моего револьвера сбилась в кучу в коридорѣ гостиницы и не были сразу направлены в казарменную тюрьму сербскаго отряда маіора Благотича только по отсутствію со мною конвоиров. Участниками ареста - офицеры. По освобожденіи г. Казани предъизъявлю и других свидѣтелей, знающих г. Андогскаго и оказавших мнѣ содѣйствіе.

Что генерал Андогскій участвовал в комиссіи, заключившей измѣнческій брестскій договор, извѣстно почти всей Россіи: в мартѣ и апрѣлѣ 1918 года всѣ совѣтскія газеты об этом писали. Тогда г. Андогскій не выступал с опроверженіем и не заявлял о том, что он подписал какой то протест. Благодаря необходимости, теперь, спустя год, он это отрицает, забывая, что подобный протест можно написать когда угодно и гдѣ угодно. Важно то, что Начальник Академіи Генеральнаго Штаба, генерал-маіор Андогскій участвовал в комиссіи по заключенію измѣнческаго брестскаго обязательнаго мира, а не в подписаніи не обя-

з а т е л ь н а г о п р о т е с т а. Заявленіе автора статьи, что пред-
д'явленное ему обвиненіе "каглая лохъ" меня нисколько не удивляет и
не обижает, ибо я знаю, с кѣм имѣю дѣло. Знакомые мнѣ судебный слѣдователь,
разсказывая свои воспоминанія, нѣсколько разъ подтверждал, что квали-
фицированные преступники особенно склонны отрицать очевиднѣйшія улики.

Достаточно удивленія и то обстоятельство, что несмотря на заключен-
ный мир, автор все же опасался занятія Петрограда немцами. Это будто бы
и побудило его "цѣною большихъ усилий /./ и порою униженій" просить
Брошштейна-Троцкого об эвакуаціи. Однако, нам извѣстно, что вообще с' апрѣля
мѣсяца 1918 года большевики начали разгружать Петроград от учреждений,
т.к. городу грозила голодовка. Тогда и были эвакуированы в Москву - Го-
сударственный Банк, Главное Казначейство, Главный Штаб и проч., а в Екате-
ринбург - Академія. Главный мотив эвакуаціи в этом, а не "в долгом и на-
стойчивом стремленіи" перенести "на сторону врагов совѣтской власти в
качествѣ цѣлаго государственнаго учреждения". Вообще автор придает ка-
кое то мистическое и кабалистическое значеніе выраженію "цѣлое обще-
государственное учрежденіе".

Погибай мир - и да живет Академія./

Не могу обойти молчаніем еще одно заявленіе автора о том, что "по
прибытіи в Казань мы разсѣялись на частныя квартиры и скрывались" и
что комиссаром Лацисом было отдано "распоряженіе о разстрѣлѣ членов
конференціи и слушателей"... Я в качествѣ развѣдчика нашей тайной
организации ежедневно посѣщалъ гостиницу "Волга". За табльдотом я видѣлъ
до послѣднихъ дней г. Андогскаго и его сотрудников, возсѣдавшихъ за обѣдами
и завтраками. Квартира для него реквизирована была на улицѣ Гоголя, а
элитная карточка его красовалась на номерной доскѣ в гостиницѣ "Волга".
Безъ вѣдома большевистскаго учрежденія по отводу комнат ни одинъ дошовой
комитетъ в Казани комнат не уступал, а потому и для другихъ чинов комнаты
были предоставлены по способу красной реквизиціи.

Для Академіи было реквизировано здание коммерческого училища. Распоряжения комиссара Лациса мне известны и из них не было ни одного, в котором он специально угрожал членам конференции и слушателям. Хотя автор статьи в этом пункте несколько погрёшил против прежних своих сослуживцев, однако, в общем он все же относится к ним очень политично: никаких грубых выражений, а только "большевики" и "представители советской власти". Может быть такая мягкость пригодится. За то совершенно безпощаден он по отношению врагов советской власти, т.е. к той предполагаемой им "определенной группе лиц", которая приподняла занавеску над дельцами и осветила истинным светом тот уголок, в котором сидели "на банкет 26 ноября" бывшие красноармейцы, превознося один другого в величавых гостах... Против этой группы лиц, в том числе и меня, автор не скупится выражениями.

Страшен черт, но милостив - Бог.

Меня не пугают наускивания совдепского генерала и я твердо повторяю, что:

1. Выбросить из среды командного и управляющего персонала заведомых перебежчиков, бывших добровольных красноармейцев, не значит "лишить государственную власть ценных военных сотрудников" - но наоборот - значит укрепить морально государственную власть и избавить ее от возможной измены;

2. Назвать предателей, изменивших долгу офицера, не значит "дискредитировать корпорацию офицеров генерального штаба", а значит избавить эту корпорацию от того негодного элемента, который ничего общего с доблестью и честью не имеет, и своим истинным душевным уровнем только незаслуженно прикрывает званием офицера генерального штаба;

3. Открыть аморальные факты из жизни лиц, которым доверено дело государственной важности, не значит "лишить государственную власть возможности вести подготовку новых офицеров генерального штаба", а

считать оказывать честное содействие этой власти по передаче дела в более надежные, верные, не замазанные большевистскими деньгами руки. Иначе, они подготовят деятелей с такой же гибкой совестью, какую имеют сами.

Иначе ведь всех этих проклятых генералов: Бонч-Бруевича, Черемисова, Клембовского, Балтийского, Надежного, Болховитинова, Новицкого, Гришинского, Шневского, Иосифовича, Незнамова, Парского и проч., которые в настоящее время ведут операции против наших войск, придется считать "стремящимися прорваться из большевистской территории на территорию возрождающейся России". В том, что многие из служивших красноармейцев "вступили в активную борьбу с большевиками на фронте, частью на ответственных местах" ничего удивительного нет: им ничего другого не оставалось делать, как получать содержание из другого, хотя бы противоположного источника. Другое дело, если бы эти господа вступили в борьбу с красными разбойниками, не засѣдая в безопасных местах, а рядовыми бойцами, лицом к лицу с врагом, лично подвергаясь опасности боя. Многого можно было бы им простить. Но этого они не делают.

Поэтому не враги Родины открывают предательское поведение красноармейцев, а истинные сыны Родины не лобзавшие рук Бронштейна и Нахамеса.

Когда мне, арестованному врагов Родины в гостинице "Волга", эти самые враги нутя сладкорѣчиво напѣвают о благе и спасении Родины, я всегда вспоминаю лѣсаца и предателя Гуду: он предал своего Учителя ничѣм иным, а знаком ~~врагов~~ - рабски-поцѣлуем. Поэтому я повторяю: не вѣрь предателям.

ФЛЕГОНТ КОЛЕБИНОВ.